

УДК 82-14

ЯЗЫК ЦВЕТОВ: ЛАВР В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX ВЕКА

Ненарокова М. Р.

*Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН,
Москва, Россия
mail: maria311@inbox.ru*

Статья посвящена лавру как элементу языка цветов, культурного феномена XVIII-XIX веков. Объектом изучения стали французские, немецкие, английские, американские словари языка цветов и стихотворения русских поэтов эпохи романтизма, в которых встречается слово «лавр». Предметом изучения стал комплекс значений, которые придаются лавру в русской поэзии эпохи романтизма. Автор поставил себе цель описать значения слова «лавр» и проследить развитие новых значений, определяющихся контекстом. Исследование показало, что лавр представляет собой одно из частотных «слов» как европейского, так и русского языка цветов. Это растение упоминается в художественной литературе со времен античности. Укорененность в античной мифологии и культуре определила пути развития значений, которые придавались лавру в текстах различных жанров. Первоначальный комплекс значений, приписывавшихся лавру, сложился с учетом всех европейских традиций. Основным значением лавра в русском языке цветов, как и в его европейских вариантах, стало значение «слава». С течением времени это значение получило дальнейшее развитие: «военная слава» и «слава поэта». Лавр становится символом не только «вечной славы», но и вечности. Контекстными значениями, которые приобретает лавр в сочетании с другими растениями, являются «вечность», «любовь», «победа над смертью».

Ключевые слова: романтизм, русская поэзия, язык цветов, словарь, лавр

ВВЕДЕНИЕ

Изучение языка цветов началось сравнительно недавно, хотя этот феномен европейской и русской культуры известен с начала XIX в. Интерес к языку цветов пробудился в последнее десятилетие XX в., когда в Европе и США стали выходить красиво оформленные, богато иллюстрированные книги, рассказывающие о значениях цветов. Одной из первых книг, привлечших к языку цветов внимание не только читателей, но и исследователей, стала работа И. Фрэн «Гирлянда Жюли» (1991) [3], представляющая собой не только альбом, в котором собраны картины европейских мастеров XVII в., но и публикацию редкого литературного памятника этого же времени – сборника стихотворений, посвященных цветам, а также академической статьи и примечаний. Среди англоязычных изданий, посвященных этой теме, стоит упомянуть книгу Дж. А. Лафер «Говорящие букеты» (1993) [8], адресованную современным флористам. Значительную часть книги занимает статья Дж. А. Лафер о бытовании языка цветов в Викторианскую эпоху. Научное изучение языка цветов начинается в 1995 г., с публикации монографии Б. Ситон «Язык цветов. История» (1995) [9]. Исследовательница затронула проблемы возникновения этого явления в наполеоновской Франции и распространения его на Британские острова и далее в США., проанализировала и сделала сводную таблицу пяти ранних словарей языка цветов, однако она не ставила себе задачей изучить распространение языка цветов на восток – в Германию, славянские страны, Россию. Тем не менее, книга

Б. Ситон вызвала интерес к языку цветов у филологов, искусствоведов, культурологов разных стран. Первым российским исследователем, обратившимся к этой теме, стала К.И.Шарафадина. Ее книги и статьи рассказывают о языке цветов в русской поэзии Золотого века и – шире – всего XIX столетия [38, 39]. С 2003 г., когда вышла первая книга К.И.Шарафединой, по нынешнее время диапазон отечественных исследований, посвященных языку цветов, значительно расширился: появились работы о языке цветов во французской литературе XIX в. [16], в прозе русских писателей XIX в. [14, 35], в русской поэзии Серебряного века [23].

Обращение к самим словарям языка цветов, издававшимся с 1810-ых по 1910-ые годы, позволяет выявить направление исследования, которое можно охарактеризовать как мультидисциплинарное. Создатели языка цветов смотрели на него не как на салонную игру, а как на систему знаков, обеспечивающую обмен информацией в области человеческих чувств. Недаром они часто сравнивали их с египетскими и китайскими иероглифами: «Цветочный сад можно сравнить с панорамой иероглифов, являющей не жалкую мирскую мудрость смертных, записанную мертвыми буквами, но изречения бессмертной философии, выраженные в живых формах со всеми особенностями их различий» [11, р. 23]. Отдельные растения рассматривались составителями словарей языка цветов как слова, поэтому многозначность таких «слов» принималась как должное: «Там, где авторитетные источники давали разные значения, мы тщательно отыскивали наиболее правильное; и в некоторых случаях, когда оба казались равно хороши, приведены два значения» [5, р. 6]. Как кажется, в исследовании языка цветов необходимо использовать не только возможности литературоведческих исследований, к которым ученые обращаются по уже сложившейся традиции, но к методам семиотики и лингвистических дисциплин, в частности, семантики, лексикологии, лексикографии. Данная статья посвящена исследованию значений, которые существительное «лавр» имеет в европейских и русском вариантах языка цветов – как в словарях, так и в художественной литературе, в основном в поэзии эпохи романтизма.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Лавр относится к наиболее древним «иероглифам» языка цветов, к античному ядру. Значения, накопленные лавром к концу XVIII в., были довольно многообразны: «Лавр вообще приемлется знаком победы. Лавровая ветвь в руке значит одоление, завоевание, торжество. Лавровый венец на главе поставляется наградой за храбрость, мужественные подвиги, добродетель и бессмертие» [7, с. XL]. Известно, что «в лавровых венцах» [7, с. XL] изображались Аполлон, бог света и покровитель искусств, в том числе поэзии, прославленные правители, полководцы, поэты.

Во французских словарях языка цветов в течение долгого времени лавр означал «победу» и «славу» [2, р. 151], с середины столетия к этим значениям прибавилось значение «талант» [6, pp. 44–45]. В английской традиции языка цветов сохраняется значение «слава», но прибавляется значение «честолюбие» [10, р. 12]. В американский вариант языка цветов попадают английские «слава» и «честолюбие», но обнаруживаем новое значение, выраженное коротким предложением: «Добродетель очаровательна» [4, р. 255].

Наиболее развитая система значений лавра образовалась в немецком языке цветов, который был тесно связан с традицией барочной эмблемы. В самых ранних немецких словарях языка цветов значения лавра разделялись на три группы. К первой группе относились «победа» и «слава» [12, р. 81], к которым позже прибавились «неизменяемость» и «вечность» [1, р. 527]. Вторая группа объединяла значения с общим смыслом «увенчание поэта» [12, р. 91]. Третья группа значений образовалась благодаря тому, что лавр рассматривался как «символ милости, благосклонности и достоинства» [12, р. 92]. Русская традиция языка цветов сложилась позже, чем европейские, и восприняла их достижения равно.

Лавр часто упоминается в русской поэзии эпохи романтизма, причем основным его значением является «слава» - слава поэта и слава воина. Как уже говорилось выше, Аполлон как покровитель искусств, а также поэзии, изображался в лавровом венке. Такой же венком могла носить и муза: «Восходом утра пробужденный,/ Я поднял очи: надо мной,/ Склоняясь главою вдохновенной,/ Венком лавровым осененной,/ Стояла дева...» (М. Д. Деларю, «Муза») [17, с. 505]. Лавр становится синонимом поэзии. Так, в стихотворении Е.Ф.Розена «Видение Тасса» великий итальянский поэт говорит о себе: «...за лавр святой/ Я демону искусства продал душу...» [28, с. 559], где лавр символизирует талант к стихотворству. Лавровым венком награждают самого лучшего из поэтов. Ф. А. Туманский, познакомившись с А.С.Пушкиным, когда тот был в южной ссылке, в стихотворении «Пушкин» создал аллегорическую картину жизни великого русского поэта: «Он пел в степях, под игмом скуки/ Влача свой страннический век, – /И на пленительные звуки/ Стекались нимфы чуждых рек. / Внимая песнопеньям славным, / Пришельца в лавры облекли...» [34, с. 307]. «Облечение в лавры», увенчание лавровым венком, становится в этом стихотворении символом безоговорочного признания таланта поэта. Лавровый веночек даруется поэту не только за мелодичность стиха и отточенность поэтической формы. Не менее важно и содержание его произведений: «Нет! не заблещет лавр бессмертный на челе / Рабов общественного мненья, / Привыкших истину вещать – без убежденья, / Неправду и порок шадящих на земле» (В. И. Туманский, «К кн. Н. А. Цертелеву») [32, с. 262]. Однако не только лавровый веночек может быть наградой поэту. Признание друзей может выразиться и в букете простых полевых цветов, которые вполне заменяют лавры в обществе близких по духу людей: «А я букет цветочков скромный/ Наместо лавровых венков / Творцу элегий посвящаю» (Н. М. Коншин «Боратынскому») [21, с. 350].

Воинская слава также отмечена лаврами. В поэзии начала XIX в. встречаем «витязя, лаврами венчанного» [28, с. 285], «венчаных лаврами героев» [25, с. 180]. Поэт Н. Анненков так изображает чествование героя: «Вот пышны торжества для храброго готовы! / Вот девы юные плетут венки Лавровы, / И подвиги его поет сам Аполлон! / Уж слава, воспарив над юною главою, / Трубит дела его – дивится свет герою!..» [13, с. 426]. Согласно поэту В. С. Филимонову, эта традиция уходит своими корнями в эпоху античности: «...в Капитолии торжествовал Камилл, / В лавроволиственной короне...» [37, с. 142]. Здесь имеется в виду Марк Фурий Камилл, римский полководец, спасший Италию от варваров в 387 г. до н. э. Образ жизни воина

иногда сочетается с талантом поэта: «Я жил, как рыцарь и певец, / Награды сладкой ожидаю, / И вот лавровый мне венец / Сплела красавица младая» [19, с. 19].

Монарх тоже увенчивается лаврами. Аноним, написавший «Стихи Его Императорскому Величеству на всерадостнейший день рождения», изображает императора Александра I в лавровом венке по причине военных побед России: «МОНАРХ! победа пред ТОБОЮ, / Победа вслед ТЕБЕ парит; / О Славе дел ТВОИХ трубою, / Где ТЫ ни ступишь, говорит! / Едва ТЫ в мирный град явился – / И новым лавром осенился!» [29, с. 71].

Для поэтов и воинов слава не оканчивается с их смертью. Лавр как символ «вечной славы» украшает их могилы и напоминает о них потомкам. Поэт, скрывший свое имя под литерой «Н», опубликовал сокращенный перевод оды Ж.-Ж. Лефран де Помпийяна «На смерть Жан-Батиста Руссо», в котором читаем: «Так, над гробницею Марона, / Как над любимцем Аполлона, / Лавр вечно-юный стелет тень» [23, с. 7]. И сам поэт может предчувствовать свою славу в веках. В своем стихотворении «На кончину М. В. Милонова» В. И. Панаев обращается к своему другу и собрату-поэту: «Так! встретить смерть всегда готовый, / Предвидя близкий свой конец, / Ты знал, что прорастет лавровый / Сквозь крышку гроба твой венец...» [26, с. 285]. Такая же вечная слава ожидает героев, павших за родину: «Отчизны глас зовет – и воин восхищенный/ От милой в битву уж кровавую летит, / И первенцу она лишь лавром осененный/ С слезой укажет холм, где прах отца сокрыт!» [31, с. 422–423].

Слава ожидает не только человека, но и страну. В стихотворении В. Жуковского «Могущество, слава и благоденствие России» «На троне светлом, лучезарном» [18, с.1] видим персонификацию страны, царственную женщину: «Венец лавровый осеняет/ Ее высокое чело» [18, с.1].

Приведенные примеры показывают, что значение «слава» в русском языке цветов является для лавра основным и реализуется в различных контекстах, обретая добавочные оттенки значения.

В использовании лавра как символа стран, где он растет, проявляется связь поэзии эпохи романтизма с барочной эмблематической традицией. Так, лавр упоминается в описаниях Крыма («Средь лавров» [33, с. 277].), Италии («Тенистый лавр в величии цветет» [20, с. 96]), Греции («Под густою лавров сенью» [27, с. 77]).

В русской поэзии эпохи романтизма лавр часто встречается в сочетании с другими растениями, например, с розами и виноградом: «Пусть боец в кровавом деле/ Пожинает лавр мечом: / Розы дышат на постеле, / Виноградник за столом» [15, с. 105], где лавр становится символом славы, полученной в боях, и противопоставляется растениям «мирной жизни» - розе, означающей «плотскую любовь», и винограду, то есть множеству виноградных лоз, передающим идею «праздник», «удовольствие», «веселье».

В стихотворении «Солома», подписанном буквами «П.М.» (П. А. Межаков) лавр встречается в одном контексте с соломой. Автор обращается к собрату по перу: «А ты, товарищ мой, поэт / Неутомимый и бездарный! / Прими мой дружеский совет...» [22, с. 121]. Совет заключается в том, чтобы не писать дурных стихов, ибо «Ты мнишь на лаврах опочить, / И ах! проснешься на соломе» [22, с. 121]. Поэт обыгрывает выражение «опочить на лаврах» со значением «наслаждаться достигнутым успехом»,

понимая глагол в его первом значении «лечь спать», что подкрепляется глаголом «проснуться» в следующей строке. В этом контексте лавр означает «непреходящую славу поэта», в то время как солома, то есть сухие стебли пшеницы или ржи без колосьев, становится символом бесплодных усилий и, следовательно, беславия.

В небольшом отрывке стихотворения В. Тило «Эвадна» находим упоминание о трех растениях – дуб, мирт и лавр: «Лишь там цветет в сени безмолвныя дубравы / Гимена счастье средь мирных пастухов; / Увы! где с митрами сплелись священны лавры, / Там слезы некогда прольет рекой любовь!...» [31, с. 421] Во французском языке цветов дуб символизировал любовь к родине, силу и защиту [2, р. 148], мирт был посвящен богине любви Афродите, то есть означал любовь, а лавру в этом контексте придается редкое значение «любовь побеждает» [1, р. 528], пришедшее в русскую поэзию из немецкого языка цветов. Все растения становятся символами мирной и счастливой семейной жизни героев стихотворения в родных местах. Такая расшифровка значений подкрепляется словосочетанием «Гимена счастье» [31, с. 421]. Сочетание лавра с оливой, обычно символизирующей мир, выводит на первый план значение лавра «вечность». Так, в стихотворении В.И. Туманского «Моя любовь» Крым описывается как «тихий рай» [33, с. 277], который для человека «В тени олив и лавров дышит» [33, с. 277]. Сочетание двух растений здесь может означать «вечный, ничем не нарушаемый мир». Контекстное значение «победа над смертью» лавр приобретает в противопоставлении кипарису, символизирующему смерть и скорбь. Согласно поэту Б. М. Федорову, слава «Не кипарис, но лавр растит!» [36, с. 206].

ВЫВОДЫ

Литературные и культурные связи между европейскими странами и Россией привели к тому, что язык цветов стал частью русского литературного обихода. Его легко усвоили литераторы и столь же легко понимали читатели и читательницы, знавшие иностранные языки.

Лавр представляет собой одно из частотных «слов» как европейского, так и русского языка цветов. Это растение упоминается в художественной литературе со времен античности. Укорененность в античной мифологии и культуре определила пути развития значений, которые придавались лавру в текстах различных жанров.

Поскольку разные варианты языка цветов были практически одновременно приняты в России, первоначальный комплекс значений, приписывавшихся лавру, сложился с учетом всех европейских традиций.

Основным значением лавра в русском языке цветов стала «слава». С одной стороны, оно развивалось под влиянием античных культурных традиций, с другой, под влиянием античной мифологии. Так у лавра появились значения «военная слава» и «слава поэта». Поскольку память о подвигах героев, о мудрых правителях и талантливых литераторах сохраняется надолго, лавр становится символом не только «вечной славы», но и вечности. Контекстные значения, которые приобретает лавр, зависят от того, что означают растения, с которыми он выступает в сочетании. Это может быть и «вечность», и «любовь», и «победа над смертью».

Список литературы

1. Анненков, Н. К. И...Е...В... Послание [Текст] / Н. Анненков // Благонамеренный. – 1820. – июнь № 12. – с. 426.
2. Бельская, А.А. Ольфакторные и флористические знаки портретов в поэме А.К. Толстого «Портрет» и повести И.С. Тургенева «Фауст» [Текст] / А.А. Бельская // Вестник Брянского Государственного Университета. – 2017. – № 3 (33). – С. 102–111.
3. Вяземский, П.А. Стол и постеля [Текст] / Вяземский П.А. Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1986. – С. 542.
4. Горбовская, С.Г. Флорообраз во французской литературе XIX века [Текст] / С. Г. Горбовская. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2017. – 274 с.
5. Деларю, М. Д. Муза [Текст] / М. Д. Деларю // Поэты 1820–1830-х годов. Библиотека поэта Большая серия сост. В. Э. Вацуро. – Т. 1. – Л., 1972. – 792 с.
6. Жуковский, В. Могущество, слава и благоденствие России [Текст] / В. Жуковский // Утренняя заря. Книжка 1. – Москва, в Университетской типографии у Ридигера и Клаудия, 1800. – VII. – 211 с.
7. Козлов, В.И. Мечтатель [Текст] / В.И. Козлов // Благонамеренный. – 1819. – июль № 13. – с. 18.
8. Козлов, В.И. Сонет. А.А. Б-вой [Текст] / В.И. Козлов // Поэты 1820–1830-х годов. Библиотека поэта Большая серия сост. В.Э. Вацуро. – Т. 1. – Л., 1972. – 792 с.
9. Коншин, Н.М. «Боратынскому» [Текст] / Н.М. Кошин // Поэты 1820–1830-х годов. Библиотека поэта Большая серия сост. В.Э. Вацуро. – Т. 1. – Л., 1972. – 792 с.
10. М[ежаков] П.А. Солома [Текст] / П.А. Межаков // Благонамеренный. – 1824. – №8. – С.120–121.
11. Н. На смерть Ж.Б. Руссо [Текст] // Благонамеренный. – 1819. – Январь №1. – С.7.
12. Налегач, Н.В. Образы цветов в поэтическом мире И. Анненского [Текст] / Н.В. Налегач // Studia Litterarum. – 2017. – № 2. – С. 212–229.
13. Норов, А.С. К Дафне [Текст] / А.С. Норов // Благонамеренный. – 1821. – Июнь № 11–12. – С. 180.
14. Панаев, В.И. На кончину М.В. Милонова [Текст] / В.И. Панаев // Благонамеренный. – 1821. – Декабрь № 23–24. – С. 284–285.
15. Плетнев, П. Эндимион [Текст] / П. Плетнев // Благонамеренный. – 1821. – Июль № 14. – С. 77
16. Розен, Е.Ф. Видение Тасса [Текст] / Е.Ф. Розен // Поэты 1820–1830-х годов. Библиотека поэта Большая серия сост. В.Э. Вацуро. – Т. 1. – Л., 1972. – 792 с.
17. Стихи Его Императорскому Величеству на всерадостнейший день рождения [текст] // Аглая. – 1810. – Часть IX. – Кн. 1. – С. 71.
18. Таскин, А. Артур (Из Pierret de St.Severin) [Текст] / А. Таскин // Благонамеренный. – 1824. – № 10. – С. 285.
19. Тило, В. Эвадна [Текст] / В. Тило // Благонамеренный. – 1820. – Июнь № 12. – С. 420–424.
20. Туманский, В.И. К кн. Н.А. Цертелеву [Текст] / В.И. Туманский // Поэты 1820–1830-х годов. Библиотека поэта Большая серия сост. В.Э. Вацуро. – Т. 1. – Л., 1972. – 792 с.
21. Туманский, В.И. Моя любовь [Текст] / В.И. Туманский // Поэты 1820–1830-х годов. Библиотека поэта Большая серия сост. В.Э. Вацуро. – Т. 1. – Л., 1972. – 792 с.
22. Туманский, Ф.А. Пушкин [Текст] / Ф.А. Туманский // Поэты 1820–1830-х годов. Библиотека поэта Большая серия сост. В.Э. Вацуро. – Т. 1. – Л., 1972. – 792 с.
23. У Луцьянь. О языке цветов в романе И.С. Тургенева «Дым» [Текст] / У Луцьянь // Вестник Московского Университета. Сер. Филология. – 2014. – № 2. – С. 149–154.

24. Федоров, Б.М. Ободрение [Текст] / Б.М. Федоров // Поэты 1820–1830-х годов. Библиотека поэта Большая серия сост. В.Э. Вацуро. – Т. 1. – Л., 1972. – 792 с.
25. Филимонов, В.С. Дурацкий колпак [Текст] / В.С. Филимонов // Поэты 1820–1830-х годов. Библиотека поэта Большая серия сост. В.Э. Вацуро. – Т. 1. – Л., 1972. – 792 с.
26. Шарафадина, К.И. «Селам, откройся!» Флоропэтика в образном языке русской и зарубежной литературы [Текст] / К.И. Шарафадина. – СПб.: Нестор-История, 2018. – 544 с.
27. Шарафадина, К.И. «Алфавит Флоры» в образном языке литературы пушкинской эпохи: источники, семантика, формы [Текст] / К. И. Шарафадина. – СПб: Петербург. ин-т печати, 2003. – 309 с.
28. Breysig A. Wörterbuch der Bildersprache oder kurzgefasste und belehrende Angaben symbolischer und allegorischer Bilder und oft damit vermischter konventioneller Zeichen. Leipzig, bei Friedrich Christian Wilhelm Vogel, 1830, S. 972.
29. Delachénaye B. Abécédaire de Flore ou language des fleurs. Paris, L’Imprimerie de P. Didot L’Ainé, 1811. 160, [4] p.
30. Frain I. La Guirlande de Julie. Paris: France Loisirs, 1991. 200 p.
31. Hale S.H. Flora’s Interpreter, or the American Book of Flowers and Sentiments. Boston, Thomas H. Webb, 1833. 264 p.
32. Ildrewe M. The Language of Flowers. Boston: De Vries, Ibarra, and Company, 1865. 218 p.
33. L’Ancien et nouveau langage des fleurs. Paris, Le Bailly, 1850. P. 108
34. Maksimovič-Ambodik N.M. Emvlemy i Simvoly (1788). The First Russian Emblem Book. ed., tr., intr. A. Hippisley. Leiden, Brill, 1989. P. LX, 286, 56.
35. Laufer G.A. Tussie-Mussies. The Victorian Art of Expressing Yourself in the Language of Flowers. New York: Workman Publishing, 1993. – 160 p.
36. Seaton B. The Language of Flowers. A History. Charlottesville-London: University Press of Virginia, 1995. 236 p.
37. The Language of Flowers or An Alphabet of Floral Emblems. London, N. Nelson and sons, 1858. 24 p.
38. The Language of Flowers with Illustrative Poetry. Philadelphia: Lea & Blanchard, 1839. 362 p.
39. Voigt C. Wörterbuch der Blumensprache fuer Verzierungsmahler und Stickerinnen. Leipzig: bei Ludwig Herbig, 1822, S. 248.

REFERENCES

1. Annenkov N. *K I...E...V... Poslanie* [To I...E...V... Epistle]. Blagonamerennyi, 1820, No 12, p. 426.
2. Bel'skaya A.A. *Olfaktornye i Floristicheskie Znaki Portretov v Poeme A.K. Tolstogo Portret i Povesti I.S. Turgeneva Faust* [Olfactory and Floristic Signs of Portraits in the Poem by A.K. Tolstoy Portrait and the Novel by I.S. Turgenev Faust]. *Vestnik Bryanskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2017, No 3 (33), pp. 102–111.
3. Vyazemskii P.A. *Stol i Postelya* [The Table and the Bed]. Stikhotvoreniya. L.: Sovetskii Pisatel' Publ., 1986, p. 542.
4. Gorbovskaya, S. G. *Floroobraz vo francuzskoj literature XIX veka* [Текст] [The Flower Imagery in French literature of the 19th century]. Saint Petersburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo Universiteta, 2017. 274 p.
5. Delaryu M.D. *Muza* [The Muse]. Pojety 1820-1830-kh Godov. Biblioteka Poeta Bolshaya Seriya. Ed. by V.E. Vacuro, Vol. 1. L., 1972. 792 p.
6. Zhukovskii V. *Mogushchestvo, Slava i Blagodenstvie Rossii* [Power, Glory and Prosperity of Russia]. *Utrennyaya Zarya*. Knizhka 1. Moscow, Tipografiya u Ridigera i Klaudiya Publ., 1800, VII, 211 p.
7. Kozlov V.I. *Mechtatel'* [The Dreamer]. Blagonamerennyi, 1819, No 3, pp. 18–19.

8. Kozlov V.I. *Sonet. A.A. B-voi* [A Sonnet. To A.A. B-va]. Pojety 1820-1830-kh Godov. Biblioteka Poeta Bolshaya Seriya. Ed. by V.E. Vacuro, Vol. 1. L., 1972. 792 p.
9. Konshin N.M. *Boratynskomu* [To Boratynsky]. Pojety 1820-1830-kh Godov. Biblioteka Poeta Bolshaya Seriya. Ed. by V.E. Vacuro, Vol. 1. L., 1972. 792 p.
10. M[ezhakov] P.A. *Soloma* [The Straw] Blagonamerennyi, 1824, No 8, pp. 120–121.
11. N. *Na smert' Zh. B. Russo* [On the Death of Zh. B. Russo]. Blagonamerennyi, 1819, No 1, pp. 7–8.
12. Nalegach N.V. *Obrazy Tsvetov v Poeticheskom Mire I. Annenskogo* [The Flower Imagery in I. Annensky's Poetic World]. *Studia Litterarum*, 2017, No 2, pp. 212–229.
13. Norov A.S. *K Dafne* [To Daphne] Blagonamerennyi, 1821, No 11-12, p.180.
14. Panaev V.I. *Na Konchinu M.V. Milonova* [On the Death of M.V. Milonov]. Blagonamerennyi, 1821, No 23-24, pp. 284–285.
15. Pletnev P. *Endimion* [Endimion]. Blagonamerennyi, 1821, No 14, p.77.
16. Rozen Ye.F. *Videnie Tassa* [Tasso's Vision]. Pojety 1820-1830-kh Godov. Biblioteka Poeta Bolshaya Seriya. Ed. by V.E. Vacuro, Vol. 1. L., 1972. 792 p.
17. *Stikhi Yego Imperatorskomu Velichestvu na Vseradostneishii Den' Rozhdeniya* [A Poem to His Imperial Majesty on the Most Joyful Birthday]. *Aglaya*, 1810. Part IX. Book.1, pp. 71–73.
18. Taskin A. *Artur* (Iz Pierret de St. Severin) [Arthur (From Pierret de St. Severin)] Blagonamerennyi, 1824, No 10, pp. 285–286.
19. Tilo V. *Evadna* [Evadne]. Blagonamerennyi, 1820, No 12, pp.420–424.
20. Tumanskii V.I. *K Kn. N.A. Tsertelevu* [To Prince N.A. Zserteleev]. Pojety 1820-1830-kh Godov. Biblioteka Poeta Bolshaya Seriya. Ed. by V.E. Vacuro, Vol. 1. L., 1972. 792 p.
21. Tumanskii V.I. *Moya Lyubov'* [My Love]. Pojety 1820-1830-kh Godov. Biblioteka Poeta Bolshaya Seriya. Ed. by V.E. Vacuro, Vol. 1. L., 1972. 792 p.
22. Tumanskii F.A. *Pushkin* [Pushkin]. Pojety 1820-1830-kh Godov. Biblioteka Poeta Bolshaya Seriya. Ed. by V.E. Vacuro, Vol. 1. L., 1972. 792 p.
23. U Lutsyan'. *O Yazyke Tsvetov v Romane I.S. Turgeneva Dym* [On the Language of Flowers in I.S. Turgenev's Novel *The Smoke*]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. Filologiya*, 2014, No 2, pp. 149–154.
24. Fedorov B.M. *Obodrenie* [Encouragement]. Pojety 1820-1830-kh Godov. Biblioteka Poeta Bolshaya Seriya. Ed. by V.E. Vacuro, Vol. 1. L., 1972. 792 p.
25. Filimonov V.S. *Durackij kolpak* [A Jester's Cap]. Pojety 1820-1830-kh Godov. Biblioteka Poeta Bolshaya Seriya. Ed. by V.E. Vacuro, Vol. 1. L., 1972. 792 p.
26. Sharafadina K.I. *Selam, Otkroisya! Floropoetika v Obraznom Yazyke Russkoi i Zarubezhnoi Literatury* [Selam, Open Up! Floropoetics in the Figurative Language of Russian and Foreign Literature]. SPb.: Nestor-Istoriya, 2018. 544 p.
27. Sharafadina K.I. *Alfavit Flory v Obraznom Yazyke Literaturny Pushkinskoi Epokhi: Istochniki, Semantika, Formy* [Flora's Alphabet in the Figurative language of the Pushkin Era Literature: Sources, Semantics, Forms]. SPb: Peterburg. In-t Pechati Publ., 2003. 309 p.
28. Breysig A. *Wörterbuch der Bildersprache oder kurzgefasste und belehrende Angaben symbolischer und allegorischer Bilder und oft damit vermischter konventioneller Zeichen*. Leipzig, bei Friedrich Christian Wilhelm Vogel, 1830, S.972.
29. Delachénaye B. *Abécédaire de Flore ou language des fleurs*. Paris, L'Imprimerie de P.Didot L'Ainé, 1811. 160, [4] p.
30. Frain I. *La Guirlande de Julie*. Paris: France Loisirs, 1991. 200 p.
31. Hale S.H. *Flora's Interpreter, or the American Book of Flowers and Sentiments*. Boston, Thomas H. Webb, 1833. 264 p.
32. Ildrewe M. *The Language of Flowers*. Boston: De Vries, Ibarra, and Company, 1865. 218 p.
33. *L'Ancien et nouveau langage des fleurs*. Paris, Le Bailly, 1850. P. 108

34. Maksimovič-Ambodik N.M. *Emvlemy i Simvoly* (1788). The First Russian Emblem Book. ed., tr., intr. A. Hippisley. Leiden, Brill, 1989. P. LX, 286, 56.
35. Laufer G.A. *Tussie-Mussies. The Victorian Art of Expressing Yourself in the Language of Flowers*. New York: Workman Publishing, 1993. – 160 p.
36. Seaton B. *The Language of Flowers. A History*. Charlottesville-London: University Press of Virginia, 1995. 236 p.
37. *The Language of Flowers or An Alphabet of Floral Emblems*. London, N.Nelson and sons, 1858. 24 p.
38. *The Language of Flowers with Illustrative Poetry*. Philadelphia: Lea & Blanchard, 1839. 362 p.
39. Voigt C. *Wörterbuch der Blumensprache fuer Verzierungsmahler und Stickerinnen*. Leipzig: bei Ludwig Herbig, 1822, S. 248.

**THE LANGUAGE OF FLOWERS:
LAUREL IN THE 19th CENTURY RUSSIAN POETRY**

Nenarokova M. R.

The article deals with the laurel as an element of the language of flowers, a cultural phenomenon of the 18th-19th centuries. The objects of the study are the French, German, English, and American dictionaries of the language of flowers and the Russian Romantic poetry, where the word laurel is used. The subject of study is the complex of meanings attached to the laurel in the Russian Romantic poetry. The study materials are Russian poems of the first half of the 19th century. The research's main objective is to describe the meanings of the word laurel and to trace the development of new meanings determined by the context. The study showed that laurel is one of the frequent words of both the European and Russian languages of flowers. This plant has been mentioned in fiction since antiquity. Its close connection with ancient mythology and culture determined the development of the meanings ascribed to laurel in the texts of various genres. The initial complex of meanings had as its source all European traditions. The main meaning of laurel in the Russian language of flowers and its European variants is glory. Further on this meaning was developed: military glory and poet's glory. Laurel became a symbol of eternal glory and of eternity itself. The contextual meanings that laurel acquires in combination with other plants are eternity, love, victory over death.

Key words: romanticism, Russian poetry, language of flowers, dictionary, laurel.